

Вот честно, никогда раньше на постоянной основе не занимался тяжёлым физическим трудом. В наш век автоматизации и повсеместного распространения ИИ, работать где-нибудь на заводе или на профессиях, не требующих даже минимальной квалификации, вроде дворника или грузчика, уже никому не надо. Электронный болван сделает все, что нужно быстрее, лучше и намного дешевле (зарплату платить не надо, медицинское обеспечение на вредных производствах и т.д.).

Но вот я оказался несколько в другом веке, где физический труд всё ещё серьёзно востребован.

Месяц, примерно столько я тружусь на станкостроительном заводе и, надо сказать, серьёзно зауважал коллег и многих других безликих людей, которые трудились на подобных предприятиях, нередко даже своей жизнью оплачивая прогресс всего человечества.

Знаю, это немного пафосно, но... от души.

А заключается такой порыв души в том, что я успел на собственной шкуре прочувствовать все прелести такой работы. Тяжёлой, рутинной, требующей серьёзных навыков.

Прошёл месяц, а я уже готов волком выть, а мои коллеги годами этим занимаются.

И дело тут не в физической усталости. Просто после часов монотонной, однообразной работы накапливается достаточно большое моральное напряжение.

К тому же, мне приходится не только и не столько работать, сколько присматриваться к коллегам, пытаться понять их образ мысли, жизненные установки. Можно ли кого-нибудь из них завербовать, если уж на то пошло.

В общем, чувствую, потихоньку зашиваюсь я.

Да и помимо работы всё очень непросто. От Наташи я съехал уже две с чем-то недели назад. С дачи вернулись её родители, и пришлось искать другое жилье.

И девушка снова помогла мне с этим. Договорилась со своей подругой, которая живёт в студенческом общежитии. Та договорилась с комендантом этого самого общежития, и за долю малую мне неофициально выделили одну из пустующих комнат. Оформили задним числом как студента, и вперёд, живи, сколько хочешь. Пока, и если начальство не запалит. Но, как мне объяснила Лена, подруга Наташи, с этой стороны проблем быть не должно.

Сейчас такое уже более или менее укладывается у меня в голове, а тогда...

Я был если не в шоке, то очень близко к этому состоянию. На моих глазах, трое совершенно обычных людей, вот так, буднично, нарушили закон. Причём совершенно уверены, что за это им ничего не будет. В тот момент всё это выглядело каким-то сюрреалистичным бредом.

Потом Наташа, конечно, прояснила мне за довольно обширный пласт общественной жизни в СССР. О таком нигде ни в школе, ни в институте не говорили. Точнее говорили, но как-то более абстрактно, что ли. «Бюрократия превратилась в класс», «реформы, толкнувшие советскую экономику в объятие рынка». Тьфу!

Да я себя настоящим идиотом почувствовал. Если в стране неформальные, «блатные»

отношения, доминируют чуть ли не во всех отраслях экономики и науки, а также общественной жизни, то и развал совершенно не удивителен.

Это называется, не заметил слона. Тогда ко мне с ещё большей отчётливостью пришло понимание, что нужно вербовать людей и как можно скорее.

Вот только я не очень хорошо представляю, кому можно доверять, а от кого лучше держаться на расстоянии линкорного выстрела*. Ведь, чтобы понять и разобраться в человеке, нужны годы, или же какая-нибудь экстремальная ситуация, в которой характер, чаще всего, и проявляется.

В общежитии было очень нескучно. Несмотря на многие, не самые лучшие моменты: во время подготовки нельзя оставлять еду, иначе съедят, или же очень наглое поведение некоторых субъектов, которые могут совершенно без всякого стыда рыться в твоих вещах, а потом, получив люлей, возмущаться по этому поводу и т. д., я очень рад, что там оказался.

Это же просто огромная практика по изучению и выявлению наиболее распространенных явлений всего здешнего социума. У меня, конечно, нет профильного образования. Я не профессионал, занимающийся проблемами общества и их наиболее оптимальным решением, но в школе, и особенно в институте на «общеобразовательных» курсах основы социологии, политологии и политэкономии нам вдалбливали очень крепко.

Потом уже, после Войны, даже ввели в Конституцию положение, не дающее людям, не сдавшим довольно объёмный «общеобразовательный» курс после окончания школы, избирательное право. То есть, ты являешься гражданином, имеешь право на труд и все социальные блага, но в управлении страной ты участвовать не можешь никаким образом. Потому как минимально необходимых для этого знаний не имеешь.

В общем, наблюдая за жизнью в общежитии, я стал намного лучше понимать людей этого времени. По крайней мере, молодёжь. Друзей пока не завёл, но более или менее неплохих приятелей, хоть отбавляй.

Легенда, которую мы с Наташей на пару составили, такова: я вернулся домой из армии, обнаружил, что девушка меня из армии не дождалась, с горя напился и покалечил гада, наставившего мне рога, испугался возможности присесть на нары и в темпе свалил из родного Ленинграда куда подальше.

Хорошая история, а главное, объясняет моё нежелание светить документами.

С Наташей у меня всё очень непросто. Мы встречаемся с ней каждые три дня в условленном месте, в центральном парке. Обсуждаем разное, пытаемся как-то сдвинуть дело с мертвой точки. Но чем дальше, тем больше наши встречи не только по форме, но и по содержанию начинают напоминать свидания.

Она мне очень нравится, я, можно даже сказать, влюблён в неё. Как ни удивительно, но благодаря ей даже старые душевные раны, мучившие меня на протяжении последних двадцати пяти лет, стали потихоньку затягиваться.

Просто не покидает ощущение, что я увяз в какой-то паутине. Не знаю куда дальше двигаться, и, что делать.

Вымыв руки, и переодевшись после конца смены в обычную одежду, иду в парк. Обычно я

уделяю время, чтобы пропустить с коллегами кружечку пива, но сегодня что-то нет настроения.

Ветер трепал мои, уже порядком отросшие, волосы. Всё никак не решусь их стричь. Позади месяц, конец июля на дворе. Скоро август...

Хм, август, август. Что-то от меня ускользает. Кусочек, самый хвостик какого-то воспоминания зацепился, но никак не даёт вытащить всё. Помню что-то, но никак не могу вспомнить, что именно.

Ладно, не важно. Скорее всего, ерунда какая-нибудь.

Шагаю уже привычным маршрутом, предвкушая встречу с Наташей. Привязался я к ней, будь здоров. Часто думаю про неё. Скучаю, даже если не виделись всего сутки.

Спустя пятнадцать минут я уже в парке, направляюсь подальше, где меньше всего людей ходит. Ищу взглядом копну длинных рыжих волос.

- Привет, - здороваюсь с увлёкшейся чтением какого-то потрепанного томика Наташей.

- Привет, - девушка оторвала взгляд от книги и улыбнулась так, что у меня на душе всё посветлело. Сажусь рядом, благо скамейка достаточно длинная. - Ну, как у тебя дела?

- Да всё также. Лучше расскажи о своих делах.

- Мама собирается ехать к сестре в Кировоград, на Украину. А так... тоже ничего нового, - ответила девушка, обхватив себя за плечи. На её губах играла лёгкая, чуть-чуть грустная, улыбка.

- Знаешь, я каждый день делаю заметки, узнаю что-то новое, присматриваюсь к людям, но... меня гнетёт чувство, будто я стою на месте, и никак не могу с этого места сдвинуться, - поделился я своей головной болью.

- Даже не знаю, что сказать. Мне самой не даёт покоя что-то такое. Ты же всё делаешь сам, а я как будто не причём, - говоря это Наташа положила свою ладонь на мои, скрещённые. Стало как-то легче. От прикосновения, не от слов.

- Да я и сам не очень понимаю, что делать... - в голове было как-то пусто. К тому же, устал я. А здесь хорошо, тенёк, да и атмосфера такая, спокойно-умиротворяющая. Украина...

Мозг опять резануло чем-то знакомым.

Август...

Украина...

Ну, давай же...

Август, Украина...

Твою мать!!! Чернобыль!!!

- Что такое?! - встревожено глядя на резко вскочившего меня, спросила Наташа. А видок у меня ещё тот. Глаза выпучены, кулаки сжаты.

- Я... тут кое-что вспомнил, - кое-как успокаиваюсь и снова присаживаюсь рядом с девушкой. Как же я мог забыть?! Катастрофа, унёсшая десятки тысяч жизней, и столько же на всю жизнь сделала инвалидами. Не говоря уже о колоссальном негативном влиянии на общественное сознание жителей СССР.

- И что же? – на её лице застыла печать крайней обеспокоенности. Она знает меня уже более или менее хорошо и понимает, что из-за пустяков я так реагировать не буду.

- Я вспомнил... в конце августа, двадцатшестого, кажется, числа на Чернобыльской АЭС, в Припяти, случится авария. Взорвётся четвёртый энергоблок. Радиационные отходы накроют город и близлежащие сёла. Десятки тысяч погибших и ставших на всю жизнь инвалидами. Большую часть людей, конечно, эвакуируют, но из-за преступной халатности местных властей начнётся это несколько поздно. Да и ликвидаторы, люди, которые будут тушить станцию, получат большую дозу радиации... в общем, самая настоящая катастрофа, - мой взгляд был устремлён сквозь иву, на которую я смотрел, выуживая из памяти всё, что известно по этому поводу. Так уж вышло, что о трагедии в Чернобыли мне известно очень немного. Просто на фоне многого другого как-то не сильно отложилось в памяти. Я и вспомнил-то об этом только из-за банального совпадения, через ассоциации.

Поворачиваюсь к Наташе и вижу, что вывалил на неё слишком много. Закрыв лицо руками, она беззвучно плакала. С чего такая реакция? Ведь, когда я рассказывал о более страшных и неприятных вещах, ни одной слезинки не пролила.

Спешу успокоить девушку, заключаю её в объятия, и начинаю гладить по спине, шепча обычную в таких ситуациях чушь.

- У...Всхлип! У нас родственники в Припяти живут, - придя более или менее в норму, поведала Наташа мне причину своих слёз. Что называется, прилетели.

- Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы предотвратить эту катастрофу. Обещаю.

- Ты сделаешь? – слёзы мгновенно высохли, и на меня обратился несколько нехороший прищур.

- Собственно, да. А в чём...

- Я думала, что-то делать будем МЫ! – перебила меня она, приблизив своё лицо к моему и прямо глядя в глаза.

- Э-э-э... а что ты можешь в этой ситуации сделать? – видимо, я опять что-то не то сказал. Иначе объяснить угрожающе поджатые губы не получается.

- А что в этой ситуации можешь сделать ты, Яр? – понятно.

- У меня есть экзоскелет, с помощью него я смогу проникнуть на закрытый объект, коим и является станция. Если ничего не получится, то он же защитит меня от радиации. Я – физик, если ты не забыла, и довольно много знаю про атомную энергетику. А вот тебе там делать уж точно нечего. Ты, Наташа, с большой долей вероятности можешь пострадать. Лучше будет, если я всё сделаю один.

Девушка не нашлась, что сказать. Лишь недовольное сопение доносилось с её стороны.

- Кстати, твои родственники случаем не на станции работают? – решаю уточнить. Это могло бы

здорово облегчить дело.

- Нет, дядя Лёша слесарь, а тётя Маша в парикмахерской работает, - отвечает она несколько удручённо.

- Жаль, - действительно, очень жаль. - Наташ, ты пойми, я не хочу тебя обидеть. Ты очень сильно мне помогла, и я очень ценю это, правда. Но это... очень большой риск. Я собираюсь пробраться на АЭС. Ты хоть представляешь всю серьёзность ситуации? Меня может поймать милиция или КГБ. Что тогда будет, думаю, тебе не надо объяснять? Ну что?

В конце речи она стала напоминать побитого щенка. У меня аж сердце сжалось.

Её глаза необычайно засияли.

Завороженно пытаюсь в них взглядеться.

Мысли становятся лёгкими-лёгкими.

Странно, почему мы так близко друг к другу?

Горячее дыхание девушки попадает мне на губы.

Не выдерживаю, беру её лицо в ладони и целую.

Лейтенанта мучило жестокое похмелье. Даже рассол не сильно помог. А ведь сегодня не выходной, на работу надо идти. Если бы от этого тут же не разболелась голова, Рогов обязательно бы горестно застонал.

Взять, что ли, сегодня отгул?

Встав из-за стола, лейтенант как можно более осторожно прошагал обратно в спальню, забрался в кровать и, подтянув к себе телефон, принялся звонить в управление.

Спустя пятнадцать минут, наполненных мучительно звенящей головной болью, мужчина, наконец, получает вожащенное право не ехать сегодня на работу. Майор отпустил его. Без ворчания, конечно, не обошлось, но ничего.

Со спокойным сердцем Рогов бросил голову на подушку, пытаясь заснуть.

Причиной такого сильного похмелья является прошедшая накануне встреча с армейскими друзьями. Годовщина дембеля, как-никак. Не выпить за такое дело было бы настоящим святотатством.

Однако обычно на таких встречах лейтенант не напивается до поросычьего визга. Как случилось в этот раз.

Проблемы на работе, в личной жизни, и общий нервоз, сделали своё чёрное дело.

Главное сейчас ни в коем случае нельзя похмеляться, а то, не ровен час, в запой можно уйти.

Лейтенант о таких вещах очень хорошо знал, к сожалению, не понаслышке. Отец пил очень много. И в один момент допился. Заработал себе цирроз печени и умер, когда лейтенанту было пятнадцать лет.

Потому лейтенант всегда был с алкоголем предельно осторожен, и только серьёзные неполадки в жизни сподвигли его на употребление, в общей сумме, полутора бутылок водки.

Что же такого произошло с сотрудником милиции, который, по определению, должен иметь стальные нервы? Выговор с занесением в личное дело и ссора с женой.

Произошедшее месяц назад тройное убийство так и не было раскрыто. Всем отделением три недели мучаются. Результат околонулевой. Да ещё и сверху дёргают очень уж сильно. Рогов, конечно, предполагал нечто подобное, однако масштабы того негатива, что изливает начальство, превышают все разумные пределы. Один из убитых оказался сыном какого-то хорошего друга генерала. Вот всему управлению регулярно хвост и крутили.

А что они могли сделать? Свидетелей нет. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Единственная улика оказалась бесполезна. Обычная купюра с отпечатками пальцев, которые не совпадают ни с одним из подозреваемых. Они прошерстили всех людей в округе, кто как-то когда-то соприкасался с милицией. Ни-че-го.

Прошлись по людям, имеющим специфические навыки, чтобы проверить подобное. Всё бестолку. Если бы не нажим сверху, майор бы уже давно списал это всё как безнадёжный висяк. А так... приходилось серьёзно перерабатывать и, помимо текущих дел, «заниматься» ещё и этой, безнадёжной ерундой.

Да и пахло дело «о трёх повёрнутых», отнюдь не розами. Убитые были хулиганами, на счету у которых уже числилось групповое избиение с нанесением тяжёлых телесных. Сидеть бы им пяток лет, но, по «непонятым» причинам, отделались двумя условно.

По самой же картине преступления можно с большой долей вероятности предположить, что эти гаврики нарвались на кого-то, толи на матёрого урку, толи военного, который радикально с ними разобрался.

Самому лейтенанту «трое повёрнутых» ни разу не сдались. И жертвы не вызывают никакой жалости, и преступника невозможно найти.

К тому же это он придумал чёрную шутку о «троих повёрнутых», которая очень быстро разнеслась по отделению. Конечно, шеи свёрнуты были лишь у двоих, но для красного словца достоверностью можно было и пожертвовать.

Для самого лейтенанта это был такое своеобразное глумление над делом и над начальством, которое к тому моменту уже порядком всех достало.

Сознание Рогова, наконец, начало расслабляться, мысли стали ленивыми, и через какое-то время он уснул.

Мысли Наташи, даже спустя полчаса, пребывали в своеобразном сладком дурмане. Она не очень хорошо помнит, как вернулась домой. Хорошо, что родители на работе, иначе бы

обязательно не оставили бы её в покое, пока не выяснили причину такого странного поведения дочери.

Сама девушка, сидя в своей комнате с глупой улыбкой, начала потихоньку приходить в себя. Тот поцелуй в парке, казалось, выветрил из неё все мысли. Это было...

Сложно описать словами настолько яркие и разнообразные эмоции, которые испытала Наташа в тот миг. В голове будто взорвалась целая куча маленьких звёздочек. Что было дальше после этого она совершенно не помнит.

По правде говоря, всё это должно пугать её или же, хотя бы встревожить, но ей очень хорошо. Словно выпила бутылочку с чистым счастьем.

Сейчас, когда разум Наташи чуточку прояснился, у неё буквально забила ключом энергия. Чтобы как-то этот выплеск канализировать, она решила приготовить что-нибудь вкусненькое. Устроить всей семье гастрономический праздник, так сказать.

Выбор пал на торт со сгущёнкой. Благо, дома имелись все нужные продукты, и Наташа начала творить.

Замешивая тесто, девушка стала вспоминать первые деньки, когда Ярослав жил здесь. Прошло меньше месяца, а она уже вспоминает эти деньки с тёплой ностальгией, словно это было несколько лет назад

Пришелец из будущего очень стремительно ворвался в её жизнь, а чуть позже и в её сердце. И, похоже, не собирается в ближайшее время покидать ни то, ни другое. Это удивительное чувство, когда ты знакома с человеком всего ничего, а такое чувство, будто знала его всегда.

Вспомнился и спаленный по неосторожности шкаф. Сейчас девушке ужасно неловко вспоминать тот случай. Повела себя, как пятилетняя девочка, увидевшая перед собой новую яркую игрушку.

Вообще, после того как Ярослав подробно объяснил ей, к чему могло привести чьё-то неуёмное любопытство, Наташа стала искренне восхищаться его выдержкой и терпением. Будь на его месте её отец, интеллигентнейший человек, быть девушке обложенной матом с головы до пят.

А уж, если вспомнить сколько потом мучился пришелец, чтобы сделать всё как было, тютелька в тютельку... многие бы на его месте были бы как минимум очень недовольны, но нет. Ярослав только прочитал ей наглядную лекцию. Как тогда, в лесу, по поводу пагубности алкоголя как такового.

Наташа отвлеклась на секунду от своего занятия, высунувшись в окно. Только сейчас обратила внимание на шум, который начал её раздражать. Мальчишки гоняли в футбол, не особо сдерживая себя в эмоциях. С четвёртого этажа это всё было прекрасно слышно.

Понаблюдав за ними несколько секунд, девушка неожиданно для себя решила не портить им веселье и снова принялась за дело.

Она не помнила, когда же лёгкое влечение по отношению к Ярославу переросло в нечто большее. Всё происходило как-то плавно и естественно, что ли.

И вот, сегодня она ясно поняла, что её чувства взаимны.

Неловким движением Наташа смахнула со стола стакан, в который насыпала до этого муку. Благо, он оказался крепким, не разбился. Девушка вспомнила, о чём они разговаривали сегодня в парке.

Настроение сразу несколько упало. Но это был незначительный скачёк вниз. Полученный ранее положительный заряд не хотел уступать свои позиции. Думать о плохом она сегодня не хотела, успокаивая себя мыслью, что пришелец что-нибудь придумает, и всё будет хорошо.

<http://tl.rulate.ru/book/23632/488368>